

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье раскрывается сущность двух одновременно протекающих в настоящее время процессов: социализации и гуманизации гражданского права. Данные процессы получают отражение и в трансформации института гражданско-правовой ответственности. На основании анализа законодательства, судебной практики и доктрины можно выделить определенные тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств. Во-первых, введение в гражданское законодательство принципа добросовестности оказало значительное влияние на правовые нормы, регулирующие гражданско-правовую ответственность за нарушение обязательств. В работе обосновывается вывод, что эволюция принципа добросовестности участников гражданского оборота привела к развитию начал справедливости и соразмерности как основных критериев гражданско-правовой ответственности. Во-вторых, продолжается поиск эффективной модели ответственности, сочетающей стандарты как виновной ответственности, обеспечивающей справедливое воздаяние, так и безвиновной, направленной на достижение справедливой компенсации и распределение убытков за неисполнение договора. В-третьих, это тенденция учета предвидимости последствий в конструкции гражданско-правовой ответственности и субъективизации причинной связи. Особенно развитием причинно-следственных связей в договорных отношениях является то, что обстоятельства, влияющие на это развитие, проходят через сознание участников договора, и потому они могут с известной степенью вероятности предвидеть правовые последствия, а также корректировать развитие причинно-следственной связи посредством предусмотренных договором обстоятельств. В-четвертых, подчеркнута компенсационная направленность мер гражданско-правовой ответственности — защита интереса кредитора в исполнении (*performance interest*). В-пятых, тенденция развития диспозитивных начал гражданско-правовой ответственности проявляется в том, что стороны вправе по своему усмотрению в установленных законом пределах ограничивать или увеличивать ответственность должника, корректировать условия ее наступления. В-шестых, тенденцией развития института гражданско-правовой ответственности является расширение сферы внедоговорной ответственности и усиление взаимодействия договорной и деликтной ответственности. Расширение сферы внедоговорной ответственности можно проиллюстрировать на примерах рецепции российским гражданским правом института преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*) и попытками судебной практики возмещения «чистых экономических потерь». На основа-

© Богданова Е. Е., 2017

* Богданова Елена Евгеньевна, доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

bogdanova.ee@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

нии проведенного исследования можно заключить, что рецепция ряда правовых конструкций европейского права и адаптирование их к особенностям российского гражданского оборота призвана сформировать новую концепцию гражданского права в целом и института гражданско-правовой ответственности в частности, основанных на принципах справедливости, соразмерности и добросовестности.

Ключевые слова: договорная ответственность, деликтная ответственность, добросовестность, договорная справедливость, убытки, возмещение договорных потерь, преддоговорная ответственность, соразмерность, причинная связь, вина, безвиновная ответственность, предвидимость убытков, «чистые экономические потери».

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.126.5.024-037

В настоящее время гражданское законодательство отражает два одновременно протекающих процесса: социализацию и гуманизацию гражданского права. Целью данных процессов, на наш взгляд, является формирование новой концепции гражданского права, которая будет основана на принципе солидарности участников гражданского оборота, учета не только индивидуальных интересов субъекта, но также интересов общества и личности как единой социосистемы¹. Как отмечает В. Зорькин, при индивидуализме в обществе действуют центробежные силы, которыми оно раздирается на отдельные (атомарные) единицы. В таком обществе мораль становится также атомарной (индивидуальной) и в конце концов утрачивает какое-либо общественное значение, общество деморализуется². Данные процессы получают отражение и в трансформации института гражданско-правовой ответственности.

Следует отметить, что, анализируя гражданско-правовую ответственность, В. В. Витрянский выделял следующие присущие ей особенности: во-первых, имущественный характер ответственности, который выражается в том, что несение ответственности всегда связано с применением санкций имущественного характера — возмещением убытков, уплатой неустойки и т.д.; во-вторых, ответственность в гражданском праве — это ответственность одного или нескольких участников гражданско-правовых отношений перед другим или другими субъектами; в-третьих, для граждан-

ско-правовой ответственности характерно применение равных по объему мер ответственности к различным участникам имущественного оборота за однотипные правонарушения; в-четвертых, размер ответственности должен соответствовать размеру причиненных убытков (вреда)³. Убытки взыскиваются в ответ на причиненный вред и право стремится к установлению равного положения между сторонами⁴.

С учетом изложенного представляется, что на основании анализа законодательства, судебной практики и доктрины можно выделить определенные тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств.

1. Введение в гражданское законодательство принципа добросовестности, что оказало значительное влияние на правовые нормы, регулирующие гражданско-правовую ответственность за нарушение обязательств. Так, в частности, п. 3 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает правило: сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные убытки.

По вопросу применения принципа добросовестности представляет интерес позиция, высказанная Судебной коллегией Верховного Суда РФ по экономическим спорам в определении от 15 декабря 2014 г. № 309-ЭС14-923: «Когда лицо, оспаривающее совершенную со злоупотреблением правом сделку купли-

¹ См.: Богданов Е. В., Богданов Д. Е., Богданова Е. Е. Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы. М. 2014. С. 49.

² Зорькин В. В хаосе нет морали // Российская газета. 2012. 11 дек.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 492—493.

⁴ См.: Smith A. S. Remedies for breach of Contract // Philosophical Foundations of Contract Law / ed. by G. Klass, G. Letsas, P. Saprà. Oxford, 2014. P. 358.

продажи, представило достаточно серьезные доказательства и привело убедительные аргументы в пользу того, что продавец и покупатель при ее заключении действовали недобросовестно, с намерением причинения вреда истцу, на ответчиков переходит бремя доказывания того, что сделка совершена в интересах контрагентов, по справедливой цене, а не для причинения вреда кредиторам путем воспрепятствования обращению взыскания на имущество и имущественные права по долгам».

В данном деле шведская компания «Башкорт АБ» требовала признать недействительным договор купли-продажи долей в ООО «Бизнес-Парк», заключенный ее директором с резидентами Российской Федерации. Чтобы подтвердить факт злоупотребления правом, истец ссылался на отчуждение долей менее чем за два месяца до признания продавца банкротом, символическую цену продажи (10 000 руб.), дальнейшую перепродажу долей по цепочке из фирм-однодневок и физических лиц, не осуществлявших реальную предпринимательскую деятельность. Было также представлено решение ирландского суда, подтверждавшее, что эти сделки были частью общего плана семьи Квинн по выводу активов с целью избежать обращения взыскания на них.

О злоупотреблении правом свидетельствовало и обстоятельство, что покупатель перед сделкой не потребовал ни устава компании-продавца, ни выписки из реестра компаний, чтобы установить полномочия представителя продавца, что является обычной практикой делового оборота. В связи с этим, настаивал покупатель, он не знал и не должен был знать об ограничениях полномочий подписавшего лица, не известных российскому праву, и поэтому в силу ст. 1202 ГК РФ истец не может на них ссылаться. Позиция же истца заключалась в том, что речь идет не об ограничении прав, а об их отсутствии как таковых для совершения сделки.

Суды первых инстанций пришли к выводу, что злоупотребление правом отсутствует, а если оно и есть, то это не имеет правового значения для иска о признании сделки недействительной.

В данном споре Верховный Суд Российской Федерации определил следующую позицию: презумпция добросовестности опровержима, в том числе совокупностью косвенных доказательств. Таким образом, несправедливая (неэквивалентная) цена сделки явилась одним из доказательств недобросовестности заключивших ее сторон⁵.

Как отмечает Грегори Китинг, основной задачей гражданско-правовой ответственности должно быть справедливое, соразмерное распределение бремени и выгоды полезных, но рискованных видов деятельности. А кто получает выгоды, должен нести и бремя — это цена присутствия в социальном мире. Будет несправедливым, если субъект рискованной деятельности будет перелagать бремя ущерба от такой деятельности на потерпевших, оставляя за собой только выгоду⁶.

Сбалансированный договор, в котором права и обязанности сторон распределены пропорционально, является соразмерным; а несбалансированный договор, в котором права и следующие за ними выгоды принадлежат в большей мере одной стороне, а обязанности и, соответственно, бремя — другой, не является соразмерным. Чем более заметна такая несбалансированность договора, тем более высока вероятность нарушения стороной-выгодоприобретателем не только принципа справедливости, но и принципа добросовестности. Таким образом, соразмерность тесно связана с принципом справедливости и является, по сути, критерием этого принципа справедливости, в частности договорной справедливости, выражающейся в балансе прав и обязанностей сторон договора.

В этой связи следует отметить, что эволюция принципа добросовестности участников гражданского оборота в известной мере привела к развитию начал справедливости и соразмерности как основных критериев гражданско-правовой ответственности.

Согласно п. 5 ст. 393 ГК РФ суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2014 г. по делу № 309-ЭС14-923, А07-12937/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Keating G. Distributive and Corrective Justice in the Tort of Accidents // Southern California Law Review. 2000. Vol. 74. P. 195—196.

размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Представляет интерес следующий пример из практики. Так, отменяя решение суда и отказывая в иске по одному из дел, судебная коллегия исходила из того, что требование истца о взыскании убытков на будущее время носит предположительный характер, не подтверждено достоверными доказательствами, размер убытков не доказан. Ссылку суда на заключение эксперта судебная коллегия признала несостоятельной, ссылаясь на то, что из заключения эксперта не ясно, какая именно сумма необходима истцу для возмещения убытков.

С таким выводом вышестоящий суд не согласился по следующим основаниям. Как следует из материалов дела и установлено судом, ЗАО «И» при выполнении работ по договору подряда допущены существенные недостатки, выразившиеся в нарушении проекта, требований технических регламентов, отсутствии согласования с заказчиком замены материалов.

Проведенной по делу экспертизой установлено, что устранение недостатков, в частности замена силового кабеля, невозможно без причинения существенного вреда имуществу истца. Таким образом, факт нарушения ответчиком обязательства и причинения истцу вреда судом установлен.

В подтверждение наличия убытков истец ссылается на то, что в связи с заменой ответчиком при выполнении работ без его согласия кабеля, предусмотренного договором, он понесет расходы, связанные с демонтажем этого кабеля. Размер данных расходов, по его мнению, подтверждается заключением эксперта. Как следует из экспертного заключения, в стоимость этих расходов входит стоимость работ по демонтажу и монтажу кабеля, 30 кв. м фанеры, полов, потолков, вентиляции и кондиционирования, лепнины.

С учетом положений ст. 15 ГК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по применению этой нормы суду следовало оценить представленные истцом в подтверждение размера убытков доказательства. Отказ в иске о возмещении убытков в полном объеме нарушает конституционный принцип справедливости и лишает заявителя возможности восстановления его нарушенных прав⁷.

Развитие принципа добросовестности и укрепление начал справедливости в гражданском праве способствуют утверждению соразмерности между серьезностью санкции и тяжестью совершенного правонарушения и способствуют реализации компенсационной функции гражданско-правовой ответственности. Начала справедливости и соразмерности выражаются также в учете законодательством вины кредитора (ст. 404 ГК) и просрочки кредитора (ст. 406 ГК РФ).

2. Продолжение поиска эффективной модели ответственности, сочетающей стандарты как виновной ответственности, обеспечивающий справедливое воздаяние, так и безвиновной, направленной на достижение справедливой компенсации и распределение убытков за неисполнение договора. Расширение сферы строгой (безвиновной) ответственности связано с объективацией в понимании вины.

В действующем гражданском законодательстве по общему правилу без вины отвечают субъекты предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 401 ГК РФ); владельцы источников повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ); продавцы и производители товаров с конструктивными, рецептурными или иными недостатками (ст. 1095 ГК РФ) и др.

Длительное время господствующей в доктрине являлась теория «виновной ответственности», которая предусматривала безвиновную ответственность субъекта в качестве исключения из правила («виновная ответственность с исключениями»)⁸. Сторонники виновной ответственности за нарушение обязательства полагают, что только такая ответственность является и справедливой, и этически оправданной.

⁷ Постановление Президиума Московского областного суда от 16 декабря 2015 г. № 642 по делу № 44г-295/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: *Иоффе О. С.* Вина и ответственность по советскому праву // Избранные труды. СПб., 2010. Т. 4. С. 175; *Собчак А. А.* О некоторых спорных вопросах общей теории о правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 54.

Наоборот, приверженцы концепции безвиновной ответственности уверены в том, что виновная ответственность экономически неэффективна и рассматривают ее в качестве причины, вызывающей неопределенность в экономических отношениях и непредсказуемость в судебной практике при разрешении споров в сфере обязательственного права⁹. Представляется, что наиболее предпочтительным является сочетание как виновной ответственности, обеспечивающей справедливое воздействие на должника-нарушителя, так и безвиновной, направленной на достижение справедливой компенсации и соразмерного распределения рисков и убытков, вызванных нарушением договора.

С позиции социализации гражданского права введение стандарта безвиновной ответственности за неисполнение предпринимательского договора обосновано характером предпринимательской деятельности как имеющей большое социальное значение и требующей учета интересов государства и общества¹⁰. В этой связи социальные стандарты справедливости обуславливают необходимость установления строгой ответственности в предпринимательских договорах в целях максимального стимулирования предпринимателей к надлежащему исполнению своих обязательств.

Объективация гражданско-правовой ответственности заключается в том, что критерием отсутствия вины является не психическое отношение лица к своим действиям и их последствиям, а проявление должником достаточной степени осмотрительности и заботливости, которая требуется по характеру обязательства и условиям оборота. Достаточная степень означает, что должник при исполнении обязательства действовал как «средний» человек. Таким образом, решать вопрос о вине или об ее отсутствии следует исходя из анализа отношения субъекта к своим действиям. Если субъект проявляет достаточную осмотрительность, какую от него можно требовать, исходя из характера обстановки, в которой он действует, примерно соответствующую той степени осмотрительности, которую в данных условиях

проявлял бы обычный разумный субъект, то данное лицо следует признать невиновным. Для повышенного стандарта исполнительности требуются дополнительные основания, которые должны быть предусмотрены законом или договором.

Однако критерий осмотрительности и заботливости как объективный показатель отсутствия вины распространяется на неосторожную вину. При установлении умышленной вины во внимание принимается намеренное совершение лицом действий или бездействия, направленных на неисполнение договорного обязательства или причинение вреда.

Установленная в законе презумпция виновности означает, что вина должника в нарушении обязательства предполагается, пока не доказано обратное. Отсутствие вины в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства доказывается должником.

3. Учет предвидимости последствий в конструкции гражданско-правовой ответственности и субъективизация причинной связи. Согласно пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 при установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается¹¹.

В связи с названным пунктом постановления возникает вопрос: следует ли сейчас учитывать факт предвидимости должником убытков, возникших вследствие его поведения, так называемый тест предвидимости?

Данное правило призвано ограничивать размер взыскиваемых убытков их предвидимостью, освобождая должника от обязанности возмещать чрезвычайные или не совсем обычные, выбивающиеся из нормального хозяйственного оборота и потому несоразмерные

⁹ См.: Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект. М., 2015. С. 146.

¹⁰ См.: Богданов Е. В. Предпринимательские договоры. М., 2003. С. 17.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

потери кредитора. При этом предвидимость должна распространяться как на тип потерь, так и на их величину.

Данная концепция распространена в мировой практике, и особенно широко — в странах англо-американской системы права. В частности, пример применения статьи 74 CISG (Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.), когда по одному делу было установлено, что продавец мог предвидеть возможную ответственность покупателя перед третьим лицом по другому договору, однако размер договорных санкций был непридвидим продавцом, поскольку они были крайне невыгодны и чрезмерны с учетом короткого периода просрочки. Суд основывался на идее «принятия риска» в обосновании правила о предвидимости убытков и посчитал, что материализовавшийся риск не соответствует предполагаемым рискам, принятым на себя должником, поскольку тот не мог предположить, что покупатель уплатит такую значительную сумму неустойки за двухнедельную просрочку¹².

По данному вопросу представляет интерес анализ еще одного известного прецедента. Суть спора по делу «Heron II» заключается в следующем. Был заключен чартер по перевозке сахара из Констанцы в Басру, где находился сахарный рынок. Фрахтователь намеревался продать сахар незамедлительно по прибытии. В нарушение договора судно прибыло в порт назначения с опозданием на 9 дней. За период просрочки цены на сахар существенно упали, и фрахтователь потребовал возмещения убытков в виде разницы в ценах. Палата лордов посчитала, что такие потери подлежат возмещению, поскольку они не были слишком отдаленными. Ответчик должен был предполагать как то, что истец намеревался продать сахар незамедлительно, так и то, что возможны изменения цен на рынке. Поэтому такие потери, по мнению суда, не могут быть отнесены к категории маловероятных при такой просрочке исполнения.

В решении по данному делу было отмечено, что в договорных отношениях для квалификации потерь как «естественных» (возникших в результате обычного развития событий) необходимо, чтобы в момент заключения догово-

ра была предвидима серьезная возможность (serious possibility) либо реальная опасность (real danger) или очень существенная вероятность (very substantial probability), что такие потери возникнут. То есть они не были маловероятными (not unlikely loss). Если сторона стремится защитить себя от риска возникновения чрезвычайных, необычных потерь (unusual loss), она должна непосредственно указать контрагенту на риск возникновения таких потерь в момент заключения договора.

Данные выводы были обусловлены сформулированной Палатой лордов позицией, что тест предвидимости убытков должен быть более строгим для договорных отношений, чем для деликтных, поскольку участники деликтных отношений являются «чужаками» и не имеют возможности указать на особые риски до момента совершения деликта. Контрагенты по договору такими чужаками не являются, поэтому для них и был сформулирован более строгий тест предвидимости потерь¹³.

В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2013 г. № 15078/12 предусматривается, что «заключение договора на перепродажу ранее заключенного государственного контракта не является определяющим при оценке факта наличия причинно-следственной связи между убытками, возникшими у кредитора, и неисполнением обязательств по поставке товара должником. В предпринимательской деятельности товар, как правило, приобретает с целью дальнейшей перепродажи, и договор на перепродажу товара может быть заключен позднее. При таких условиях любой разумный продавец товара должен предвидеть, что неисполнение им своих обязательств по поставке товара может, в свою очередь, повлечь неисполнение обязательств покупателя перед другим лицом и возникновение у него ущерба».

Таким образом, как показывает судебная практика, предвидение должником убытков принимается во внимание в связи с рассмотрением вопроса о причинно-следственной связи. В литературе отмечается, что в странах, где предвидение убытков предусмотрено в действующем законодательстве, устанавливаются фактическую причинную связь как цепь событий в исторической ретроспективе и юридиче-

¹² Case 419 O 49/01 District Court Hamburg Germany 21 December 2001.

¹³ Koufos v. Czarnikow Ltd (The Heron II) (1969) //LAW B262F (1500) / Notes on Law of Contract (II).

скую причинность как предвидимость должником убытков у кредитора¹⁴. Таким образом, учитывается фактическая и юридическая причинно-следственная связь между ненадлежащим исполнением обязательства и убытками у кредитора.

Следует отметить, что подобный двухуровневый характер причинно-следственной связи вызван недооценкой особенностей развития причинно-следственных связей в договорных отношениях. Поскольку соответствующие обстоятельства, влияющие на развитие причинно-следственной связи, проходят через сознание кредитора, разумный участник договора должен предвидеть, что ненадлежащее исполнение обязательства с известной степенью вероятности повлечет для другой стороны убытки. При таком подходе к данному вопросу необходимость в отмеченной двойственности причинной связи отпадает и достаточно будет одной причинно-следственной связи. При этом под предвидимостью в вопросах гражданско-правовой ответственности в договорных отношениях следует понимать представление участников договора о таком развитии причинно-следственной связи, которое с определенной степенью вероятности может завершиться убытками для кредитора.

Особенностью развития причинно-следственных связей в договорных отношениях является то, что обстоятельства, влияющие на ее развитие, проходят через сознание участников договора, и потому они могут с известной степенью вероятности предвидеть правовые последствия, а также корректировать развитие причинно-следственной связи посредством предусмотренных договором обстоятельств¹⁵.

4. Подчеркнута компенсационная направленность мер гражданско-правовой ответственности — защита интереса кредитора в исполнении (*performance interest*). В частности, ст III.-3:702: DCFR (Модельные правила европейского частного права) предусматривает положение, что общий объем возмещения убытков, причиненных неисполнением обязанности, составляет сумму, которая достаточна для того, чтобы кредитор оказался настолько возможно в том положении, в котором он находился бы, если бы обязательство

было исполнено надлежащим образом. Такое возмещение покрывает ущерб, который понес кредитор, а также выгоду, которой кредитор лишился.

Пункт 2 ст. 393 ГК РФ предусматривает правило, что возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений разд. 1 ч. 1 ГК РФ» по смыслу ст. 15 ГК РФ упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было.

Поскольку упущенная выгода представляет собой неполученный доход, при разрешении споров, связанных с ее возмещением, следует принимать во внимание, что ее расчет, представленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске (п. 5 ст. 393 ГК РФ).

Кроме того, задачу компенсации понесенных потерь кредитора призвана решать также норма ст. 393.1 ГК РФ, предусматривающая конкретный и абстрактный метод возмещения убытков при прекращении договора.

Согласно данной норме в случае, если неисполнение или ненадлежащее исполнение должником договора повлекло его досрочное прекращение и кредитор заключил взамен его аналогичный договор, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы или услуги по условиям договора, заключенного взамен прекращенного договора.

Если замещающая сделка не была заключена, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой на сопоставимые товары, работы или услуги.

¹⁴ См.: *Geoffrey S. Law of Obligations and Legal Remedies*. 2nd ed. Cavendish Publishing Limited, 2001. P. 219—220.

¹⁵ См.: *Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Особенности развития причинно-следственных связей в договорных отношениях // Законодательство и экономика*. 2016. № 7. С. 13—21.

В то же время в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 отмечается, что добросовестность кредитора и разумность его действий при заключении замещающей сделки предполагаются (п. 5 ст. 10, п. 3 ст. 307, ст. 393.1 ГК РФ). Должник вправе представить доказательства того, что кредитор действовал недобросовестно и (или) неразумно и, заключая замещающую сделку, умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер по их уменьшению (п. 1 ст. 404 ГК РФ)¹⁶.

Доказательством неразумности/недобросовестности кредитора является, например, чрезмерное несоответствие цены замещающей сделки текущей цене, определяемой на момент ее заключения.

Так, по одному из дел суд указал, что продавец обязан возместить только разумную цену приобретения у другого лица в аренду «подменного» товара. Однако истцом доказательств, свидетельствующих о том, что расходы по приобретению в аренду трактора John Deere 9420 RII 2004 г. выпуска являлись разумными, не представлено. Напротив, по условиям договора финансовой аренды (лизинга) стоимость аренды с 4 мая 2015 г. по 3 августа 2015 г. включительно (92 дня) составляет 371 353 руб. за два новых трактора «Кировец» К-744 Р4 или 185 676 руб. 50 коп. за один новый трактор «Кировец» К-744 Р4, в то время как арендная плата за использование трактора John Deere 9420 RII с 15 апреля 2014 г. по 9 июля 2014 г. включительно (86 дней) составила 2 099 50 руб., а с учетом его ненадлежащего состояния, потребовавшего капитального ремонта, расходы по аренде «подменного» трактора составили 3 526 328 руб. 94 коп., что в 18 раз превышает стоимость аренды за тот же период одного нового трактора «Кировец» и составляет более 50 % от цены приобретения в собственность одного нового трактора «Кировец»¹⁷.

Таким образом, принципы добросовестности и разумности ограничивают пределы договорной свободы при определении размера имущественных санкций.

Следует также отметить, что для обеспечения восстановления имущественной сферы кредитора законодатель внедрил конструкцию «возмещения договорных потерь» (ст. 406.1. ГК РФ), суть которой заключается в том, что стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательства его стороной (потери, вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или органами государственной власти к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и т.п.). Соглашением сторон должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения.

Необходимо признать, что у нормы «возмещение договорных потерь (indemnity)» имеется ряд существенных преимуществ по сравнению с возмещением убытков. В частности, применение indemnity способно предупреждать возникновение потерь у кредитора. Взыскание компенсации также возможно до момента возникновения потерь. При взыскании потерь не применяются такие критерии ограничения размера взыскиваемых убытков, как их отдаленность (remoteness) или предвидимость (foreseeability), не применяется такой критерий ограничения убытков, как обязанность кредитора по их уменьшению (mitigation)¹⁸.

Применение положения ст. 406.1 ГК РФ создает риск «сверкомпенсационности» возмещения потерь. Их размер должен быть определен соглашением и не может быть в силу закона уменьшен судом, за исключением ситуаций умышленного содействия кредитора увеличению своих потерь.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 2 марта 2016 г. № 305-ЭС16-1380 по делу № А40-70250/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Материалы решения по делу Royscot Commercial Leasing Limited v. Ismail / The Royal Court of Justice. 29 April 1993. 93/0266/C.

Обширный круг обстоятельств, на случай наступления которых допускается установление обязанности по возмещению потерь, порождает вопрос о допустимости заключения соглашений по возмещению потерь, которые будут лишать или ограничивать возможность самой защиты прав, например, когда должник примет на себя обязанность по возмещению потерь в отношении требований (по возмещению убытков, взысканию неустойки, процентов по ст. 395 ГК РФ), которые мог бы сам заявить в отношении кредитора. Представляется, что в подобных ситуациях следует анализировать соответствие условия договора о возмещении потерь принципам добросовестности, разумности и справедливости (ст. 1 и 10 ГК РФ).

5. Развитие диспозитивных начал гражданско-правовой ответственности. Данная тенденция проявляется в том, что стороны вправе по своему усмотрению в установленных законом пределах ограничивать или увеличивать ответственность должника, корректировать условия ее наступления. Так, по общему правилу стороны обязательства вправе по своему усмотрению ограничить ответственность должника (п. 4 ст. 421 ГК РФ). Однако согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 заключение такого соглашения не допускается, и оно является ничтожным, если нарушает законодательный запрет (п. 2 ст. 400 ГК РФ) или противоречит существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства (например, ничтожными являются условия договора охраны или договора перевозки об ограничении ответственности профессионального исполнителя охранных услуг или перевозчика только случаями умышленного неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства).

Если в пределах, установленных законом, в заранее заключенном соглашении указаны обстоятельства, устраняющие или ограничивающие ответственность должника за неумышленное нарушение обязательства, то на него возлагается бремя доказывания их наступления.

Примером оговорки об ответственности является следующий спор. Так, между предпринимателем (заказчиком) и отделом охраны (исполнителем) был заключен договор об охране

объектов посредством пульта централизованной охраны (ПЦО). Объектом охраны являлся магазин истца.

Договором было предусмотрено, что исполнитель несет ответственность за ущерб, причиненный заказчику кражей, повреждением или уничтожением имущества в результате виновного невыполнения или виновного ненадлежащего выполнения исполнителем своих обязательств по договору в размере прямого действительного ущерба, но не свыше стоимости услуг исполнителя за календарный год.

Впоследствии неустановленные лица совершили кражу в данном магазине. Стоимость похищенного имущества составила 8 517 992 руб. 78 коп. Полагая, что ущерб причинен вследствие ненадлежащего исполнения отделом охраны обязательств по договору, предприниматель обратился в арбитражный суд с иском о возмещении убытков. Изменяя судебные акты, суд кассационной инстанции взыскал в пользу предпринимателя ущерб в размере 127 556 руб. 88 коп. (стоимость услуг за календарный год)¹⁹.

В то же время заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности не освобождает от ответственности за умышленное нарушение обязательства (п. 4 ст. 401 ГК РФ). Отсутствие умысла доказывается лицом, нарушившим обязательство. Например, в обоснование отсутствия умысла должником, ответственность которого устранена или ограничена соглашением сторон, могут быть представлены доказательства того, что им проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства.

6. Тенденцией развития института гражданско-правовой ответственности является расширение сферы внедоговорной ответственности и усиление взаимодействия договорной и деликтной ответственности. Отмеченная Г. Гилмором в работе «Смерть договора» проблема перекрывания деликтными конструкциями сферы договорных отношений проявляется, в частности, в ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ, услуг). Таким образом, несмотря на наличие договора, ответственность осуществляется по правилам ответственности за причинение вреда²⁰.

¹⁹ Определение ВАС РФ от 17 июля 2011 г. № ВАС-7120/11 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Gilmore G. The Death of Contract. Ohio : Columbus.1974. P. 87—88.

Известный австрийский цивилист Х. Коциоль в качестве одного из недостатков Германского гражданского уложения отметил чрезмерно строгое, на его взгляд, разделение нарушения договора и деликта. В свою очередь, Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch (Всеобщее гражданское уложение для наследственных земель Австрийской монархии), по мнению указанного автора, объединяет почти все право на возмещение ущерба (т.е. нарушение договора и деликт) и тем самым освобождает путь для соответствующего создания промежуточных форм, таких как culpa in contrahendo, ответственность за размещение неправильных сведений в эмиссионном проспекте и ответственность аудитора перед третьими лицами²¹.

Следует согласиться, что традиционное в доктрине противопоставление договорной и деликтной ответственности не вполне соответствует современному уровню развития общественных отношений. В частности, в науке были выработаны следующие признаки деликтных обязательств: во-первых, сфера их действия распространяется как на имущественные, так и личные неимущественные отношения; во-вторых, данные обязательства возникают в случае нарушения абсолютных прав²².

В то же время ряд авторов высказывали позицию о нецелесообразности ограничения применения деликтной ответственности только случаями нарушения абсолютных прав. В частности, Е. А. Флейшиц утверждала, что обязательственное право может быть нарушено должником, если состояние обязательственного права таково, что третье лицо в состоянии воспрепятствовать кредитору в осуществлении его права, в состоянии уничтожить или умалить благо, на которое направлено обязательственное право кредитора, в состоянии вызвать прекращение права кредитора. В таких случаях деликвенты также подлежат привлечению к ответственности из причинения вреда относительным правам потерпевших²³.

Заслуживает внимания точка зрения Богданова Д. Е. о том, что современное состояние развития общественных отношений и необходимость достижения целей справедливости требуют того, чтобы и относительные права получали эффективную защиту при их нарушении со стороны третьих лиц. Иное будет означать, что третьи лица не обязаны учитывать интересы субъектов обязательственных отношений, освобождаются от ответственности при их нарушении²⁴.

С расширением сферы деликтной ответственности возникла проблема соотношения «отдаленности ущерба» и компенсации «чистых экономических потерь». Причиной возникновения феномена «чистых экономических потерь (убытков)» явилась крайне ограниченная сфера применения договорной ответственности, которая связана рамками заключенного между сторонами договора. Поэтому те законные интересы, которые не в силах защитить нормы договорного права, получают защиту с помощью мер деликтной ответственности.

В исследовании, посвященном анализу природы чистых экономических потерь, В. В. Палмер и М. Бассани пишут, что «возмещению экономических потерь часто противостоит догматическое препятствие в виде того, что не овеществленные (“unreified”) экономические интересы часто связаны с неисполненными ожиданиями стороны договора или другими ожиданиями экономического характера. Так, в рикошетных убытках потери кредитора возникают вследствие противоправного деяния лица, которое не связано с ним договором и акт которого препятствует другой стороне выполнить договорные ожидания кредитора»²⁵.

Основное опасение, связанное с применением категории «чисто экономические потери», заключается в чрезмерном объеме ответственности, которая вытекает из применения данного института. Во-первых, это огромное количество исков может парализовать дея-

²¹ См.: Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право — пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 10.

²² См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 4 (данная точка зрения сформулирована Ю. К. Толстым).

²³ См.: Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 33—38.

²⁴ См.: Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости. С. 249.

²⁵ Palmer V. V., Bussani M. Pure Economic Loss: The Ways to Recovery // Electronic journal of comparative law. Vol. 11.3. December 2007. P. 20—21. URL: <http://www.ejcl.org/113/article113-9.pdf>.

тельность судебной системы; во-вторых, невозможность для ответчика предвидеть объем ответственности, который последовал или может последовать из причинения им вреда. Например, причинение вреда собственнику вещи способно повлечь потери также для иных лиц, чьи интересы были связаны с использованием этой вещи. Опасность непредсказуемых и непропорциональных последствий является основной причиной ограничения применения конструкции «чистых экономических потерь»²⁶. В-третьих, применение конструкции «чистых экономических потерь» является лишь частью общей тенденции все большего расширения сферы деликтной ответственности, которая должна контролироваться²⁷.

Следует отличать «чистые экономические потери» и последовательно наступивший вред (consequential loss), который представляет собой имущественные последствия нарушения абсолютных прав лица, причинения вреда жизни, здоровью, собственности потерпевшего. Данный вред подлежит возмещению, в том числе в странах, отрицательно относящихся к возмещению «чистых экономических потерь». Как отмечают В. Палмер и М. Бассини, «последовательно наступившие убытки предполагают причинение физического вреда, тогда как чистые экономические потери затрагивают только кошелёк жертвы и ничего более»²⁸.

Интересна российская судебная практика по данной проблеме. В частности, к примерам возмещения «чистых экономических потерь» можно отнести, например, удовлетворение судами требований арендаторов о возмещении третьим лицом ущерба, причиненного имуществу, находящемуся в их владении и пользовании. Так, по одному из дел суд удовлетворил требование арендатора о возмещении убытков, мотивируя решение ссылкой на ст. 622 ГК РФ, предусматривающую обязанность арендатора возвратить арендодателю по окончании срока аренды имущество в том состоянии, в каком оно было получено, с учетом нормального

износа. На этом основании суд признал, что истец обоснованно предпринял меры по защите своего нарушенного права, предъявив к ответчику материальные требования.

Кроме того, суд отметил, что арендатор транспортного средства признается владельцем источника повышенной опасности. Вред, причиненный одному из таких владельцев по вине другого, возмещается виновным (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»)²⁹.

По другому делу суд, взыскивая сумму ущерба, причиненного транспортному средству, в пользу арендатора, руководствовался специальными нормами об аренде транспортного средства без экипажа, согласно которым арендатор в течение всего срока договора аренды транспортного средства без экипажа обязан поддерживать надлежащее состояние арендованного транспортного средства, включая осуществление текущего и капитального ремонта (ст. 644 ГК РФ). В ответ на заявление ответчика об отсутствии у истца как у арендатора права обратиться с иском о возмещении вреда, причиненного имуществу, которое ему не принадлежит, суд постановил, что согласно договору аренды между арендодателем и истцом установлена обязанность последнего поддерживать имущество в исправном состоянии, производить за свой счет текущий ремонт и нести расходы на содержание имущества, что соответствует п. 2 ст. 616 ГК РФ, возлагающей на арендатора обязанности по текущему ремонту арендуемого имущества³⁰.

Таким образом, российская судебная практика в большей мере остается на консервативной позиции, ограничивая деликтную ответственность нарушением абсолютных прав, однако можно наблюдать и позитивные попытки расширения сферы деликтной ответственности.

²⁶ Waldron J. Moments of Carelessness and Massive Loss / D. Owen (ed.) // *Philosophical Foundations of Tort Law*. Oxford, 1995. P. 385.

²⁷ *The Limits of Expanding Liability: Eight Fundamental Cases in a Comparative Perspective* / ed. by J. Spier. The Hague ; London ; Boston : Kluwer Law International, 1998.

²⁸ Palmer V. V., Bussani M. Op. cit. P. 7.

²⁹ СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 5 декабря 2014 г. № Ф03-5246/2014 по делу № А51-2286/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Расширение сферы внедоговорной ответственности можно проиллюстрировать на примере рецепции российским гражданским правом института преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*).

Вопрос о правовой природе преддоговорной ответственности является дискуссионным, причем не только в российской, но и в западноевропейской науке. В частности, по одному из споров суд разъяснил, что при отсутствии добровольно принятого на себя обязательства одной стороной перед другой в процессе ведения переговоров по заключению договора и при нарушении норм права, в особенности предписывающих сторонам действовать добросовестно в процессе таких переговоров, требование о привлечении к преддоговорной ответственности ответчика должно основываться на деликте либо квазиделикте.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что рассматриваемое дело было связано с решением вопроса о подсудности итальянскому суду спора между германской (ФРГ) и итальянской компаниями. При этом итальянская компания настаивала на деликтной природе ответственности, а немецкая на квазидоговорной³¹.

Анализируя феномен преддоговорной ответственности, Н. Янсен пришел к выводу, что преддоговорная ответственность одновременно основывается на принципах как договорной, так и деликтной ответственности, т.е. не занимает промежуточное положение (между договорной и деликтной ответственностью), а основывается одновременно как на деликтной, так и договорной сферах правового регулирования. Поэтому автор полагает, что преддоговорную ответственность лучше всего характеризовать как особую разновидность деликтной ответственности за нарушение интересов, которые устанавливаются на основе принципов и политики договорного права³².

Д. Е. Богданов по данному вопросу считает, что преддоговорная ответственность, основан-

ная на принципах как деликтной, так и договорной ответственности, способна балансировать между данными концепциями ответственности. «Если того требуют соображения справедливости, она может быть ограничена лишь квазиделиктным возмещением (*reliance damages*), но может быть предоставлено право и на компенсацию потери шанса (*loss of chance*) и даже взыскание квазидоговорных убытков в размере положительного договорного интереса за недобросовестное поведение на "зрелой" стадии преддоговорного процесса, когда заключение договора становилось неизбежным, если бы не факт недобросовестного поведения другой стороны»³³.

Таким образом, на примере преддоговорной ответственности особенно заметна тенденция взаимопроникновения различных видов гражданско-правовой ответственности: договорной и деликтной.

Исследование основных тенденций развития института гражданско-правовой ответственности позволяет заключить, что протекающие процессы социализации и гуманизации гражданского права находят отражение в институте гражданско-правовой ответственности. Признание свободы участников договорных отношений в определении условий договора и усиление начал диспозитивности, с одной стороны, сопровождаются усилением контроля (прежде всего судебного) за договорным режимом, вмешательством в содержание договора, оценкой добросовестности поведения участников, в том числе поведения должника и кредитора по минимизации потерь — с другой. Рецепция ряда правовых конструкций европейского права и адаптирование их к особенностям российского гражданского оборота призвана сформировать новую концепцию гражданского права в целом и института гражданско-правовой ответственности в частности, основанную на принципах справедливости, соразмерности и добросовестности.

³¹ Решение Европейского Суда справедливости (European Court of Justice) по делу *Fonderie Officine Meccaniche Tacconi SpA v. Heinrich Wagner Sinto Maschinenfabrik GmbH (HWS)* / Case C-334/00, 17/09/2002.

³² *Jansen N.* The concept of non-contractual obligations: rethinking the divisions of tort, unjustified enrichment, and contract law // *Journal of European Tort Law*. 2010. No. 1. P. 22—24.

³³ *Богданов Д. Е.* Справедливость как основное начало определения размера преддоговорной ответственности // *Адвокат*. 2014. № 4. С. 21.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект. — М., 2015.
2. Богданов Е. В. Предпринимательские договоры. — М., 2003.
3. Богданов Е. В., Богданов Д. Е., Богданова Е. Е. Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы. — М., 2014.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. — М., 1997.
5. Зорькин В. В хаосе нет морали // Российская газета. — 2012. — 11 дек.
6. Иоффе О. С. Вина и ответственность по советскому праву // Избранные труды. — Т. 4. — СПб., 2010.
7. Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право — пример для Европы? // Вестник гражданского права. — 2012. — № 6.
8. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. — М., 1951.
9. Собчак А. А. О некоторых спорных вопросах общей теории о правовой ответственности // Правоведение. — 1968. — № 1.
10. Geoffrey S. Law of Obligations and Legal Remedies. — Second Edition. — Cavendish Publishing Limited, 2001.
11. Gilmore G. The Death of Contract. — Ohio : Columbus. 1974.
12. Jansen N. The concept of non-contractual obligations: rethinking the divisions of tort, unjustified enrichment, and contract law // Journal of European Tort Law. — 2010. — 1.
13. Keating G. C. Distributive and Corrective Justice in the Tort of Accidents // Southern California Law Review. — 2000. — Vol. 74.
14. Palmer V. V., Bussani M. Pure Economic Loss: The Ways to Recovery // Electronic journal of comparative law. 2007. December. Vol. 11.3. URL: <http://www.ejcl.org/113/article113-9.pdf>.
15. Smith A.S. Remedies for breach of Contract // Philosophical Foundations of Contract Law / ed. by G. Klass, G. Letsas, Prince Saprai. — Oxford., 2014.
16. Spier. J. The Limits of Expanding Liability: Eight Fundamental Cases in a Comparative Perspective. — Oxford, 1998.
17. Waldron J. Moments of Carelessness and Massive Loss // Philosophical Foundations of Tort Law / D. Owen (Ed.). — Oxford, 1995.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2017 г.

TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL LIABILITY FOR THE BREACH OF OBLIGATIONS: CHALLENGES AND PERSPECTIVES

BOGDANOVA Elena Evgenevna — Doctor of Law, Acting Head of the Department at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
 bogdanova.ee@yandex.ru
 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

***Review.** The article reveals the essence of two simultaneous processes: socialization and humanization of civil law. These processes are also reflected in the transformation of the institution of civil law. Based on the analysis of legislation, jurisprudence and the doctrine, certain tendencies of the development of civil liability for breaches of obligations can be identified. First, the introduction of the principle of good faith into civil law has had a significant impact on the legal rules governing civil liability for breaches of obligations. The paper justifies the conclusion that the evolution of the principle of good faith of the participants of civil circulation has led to the development of justice and proportionality foundations as basic criteria for civil liability. Second, the author describes the search for an effective model of responsibility combining standards of both fault-based liability ensuring fair retribution and faultless liability aimed at providing fair compensation and distribution of damages for non-performance of a contract. Third, one should take into account the foreseeability of the consequences in the construction of civil liability and subjectivization of causation. A peculiarity of the development of causal relationships in contractual relations is that the circumstances influencing their development pass through the consciousness of the parties to the contract, and, therefore, they can foresee the legal consequences with a certain degree of probability, as well as the evolution of the causal relationship due to the circumstances envisaged by the contract. Fourth, the paper highlights the compensatory nature of civil liability measures — protection of the creditor's interest in performance (performance interest).*

*Fifth, the development of discretionary foundations of civil liability. This tendency is manifested in the fact that the parties are entitled to either limit or amend the conditions of such liability within the limits established by the law. Sixth, one of the tendencies of the development of the doctrine of civil liability amounts to widening the scope of non-consensual liability and strengthening an interaction between contractual and tortious liability. A widened scope of non-consensual liability can be illustrated by instances of the reception of pre-contractual liability by Russian Civil Law (*culpa in contrahendo*) and attempts made by judges to award "net economic losses." Based on the study conducted, it may be concluded that the reception of a number of legal structures of European Law and their adjustment to the peculiarities of Russian civil circulation are intended to create a new concept of civil law in general, and the institution of civil liability in particular based on the principles of justice, proportionality and integrity.*

Keywords: contractual liability, tort liability, integrity, contractual justice, damages, contract losses recovery, pre-contractual liability, proportionality, causation, fault, faultless liability, foreseeability of losses, "net economic" losses.

BIBLIOGRAPHY

1. Bogdanov, E. V., Bogdanov, D. E., Bogdanova, E. E. The development of Russian civil law. Tendencies, Perspectives, Problems. — М., 2014.
2. Bogdanov, D. E. Evolution of civil liability from the perspective of justice: a comparative law aspect. — М., 2015.
3. Bogdanov, E. V. Business contracts. — М., 2003.
4. Braginskiy, M. I., Vitryanskiy, V. V. Contract Law: General provisions. — М., 1997.
5. Zorkin, V. There is no morality in chaos // Rossiyskaya Gazeta. — 2012. — 11 December.
6. Ioffe, O. S. Fault and responsibility under Soviet Law // Selected Works. Vol. 4. — St. Petersburg, — 2010.
7. Koziol, H. Splendors and Misery of the German civil dogmatics. German law — an Example for Europe? The Bulletin of Civil Law. 2012. — № 6.
8. Fleischitz, E. A. Obligations arising from causing harm and unreasonable enrichment. — М., — 1951.
9. Sobchak, A. A. Some contentious issues in the general theory of legal liability // Jurisprudence. — 1968. — № 1.
10. Geoffrey S. Law of Obligations and Legal Remedies. — Second Edition. — Cavendish Publishing Limited, 2001.
11. Gilmore G. The Death of Contract. — Ohio : Columbus. 1974.
12. Jansen N. The concept of non-contractual obligations: rethinking the divisions of tort, unjustified enrichment, and contract law // Journal of European Tort Law. — 2010. — 1.
13. Keating G. C. Distributive and Corrective Justice in the Tort of Accidents // Southern California Law Review. — 2000. — Vol. 74.
14. Palmer V. V., Bussani M. Pure Economic Loss: The Ways to Recovery // Electronic journal of comparative law. 2007. December. Vol. 11.3. URL: <http://www.ejcl.org/113/article113-9.pdf>.
15. Smith A.S. Remedies for breach of Contract // Philosophical Foundations of Contract Law / ed. by G. Klass, G. Letsas, Prince Saprui. — Oxford., 2014.
16. Spier. J. The Limits of Expanding Liability: Eight Fundamental Cases in a Comparative Perspective. — Oxford, 1998.
17. Waldron J. Moments of Carelessness and Massive Loss // Philosophical Foundations of Tort Law / D. Owen (Ed.). — Oxford, 1995.